

Аида

Жасекенова

магистрант КазНУ имени аль-Фараби

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ В РОМАНЕ МИХАИЛА ЗЕМСКОВА «СЕКТАНТ»

Религиозные мотивы в течение столетий служили парадигматической основой для сложения мифов, притч и легенд. Сегодня, несмотря на продолжающуюся секуляризацию религии, религиозная проблематика продолжает быть одной из центральных тем в художественной литературе.

К числу таких произведений относится роман казахстанского автора Михаила Земскова «Сектант», где раскрывается кризис личности, ищущей свою религиозную идентичность, составляющую основную проблему художественного текста. В основе сюжета романа – поиск героями религиозной святыни, Евангелия от Иоанна, его подлинной версии, спрятанной где-то в степях Казахстана последователями древней ветви христиан – несторианами. Возглавляет группу «таинственный» гуру, а в роли кладоискателей выступают его ученики, готовящиеся к «новой практике». Главный герой произведения – Иван, потерявший работу, оказывается в группе, где вокруг него начинают происходить драматические события, влияющие на представления персонажей о мире, религии, психологии, своей идентичности.

Термин «идентичность» восходит к латинскому корню «idem» в значении «то же», имеющему широкое распространение в кругу мыслителей античности и средневековья. Данной лексической единицей обозначали качество предмета, остающегося неизменным и сохраняющего специфическую особенность независимо от обстоятельств. В научный дискурс термин вошёл с 60-х гг. XX века и в 80-х заполнил собой пространство самых разных наук, обусловив широкое поле толкований [1, с. 68].

Во-первых, идентичность – это самоосознание человека и идентификация себя с определенной группой людей, местностью, качеством или характеристикой, которая, к тому же, может изменяться; во-вторых, идентификация предстаёт как явление, которое, с одной стороны, касается личности человека и его внутренних интенций и определяется собственно человеком, а с другой – социальных аспектов, где идентичность выступает как регламентированная матрица поведения и ценностей, которых нужно придерживаться, чтобы подтвердить свою принадлежность к определенной группе или социуму.

Данное явление закономерно и по отношению к религиозной психологии: оно также находится в междисциплинарной корреляции, усложняющейся возможностью рассматривать религию «изнутри», как внутреннее состояние познания себя

и Бога (теология) [2, с. 10], и «извне» – как механическую структуру, одну из сфер социальной жизни, имеющую ряд характеристик, функций и задач [3].

Религия, как и вытекающая из неё идентификация, по природе дихотомична: во-первых, в ней есть сфера личностного – это часть мировоззрения человека, касающаяся взаимодействия человека с Высшим началом и проявляющаяся в соблюдении определенной ценностной системы нравственной ориентации; во-вторых, это социальное явление, где религия является системой, реализующей определенные потребности, выступая средством объединения людей и аккумуляции культурного и материального достояния.

В романе «Сектант» самоосознание выступает основой религиозного поведения: *«чтобы постичь суть, постичь Бога, нужно жить не отражением, а жить собой, постичь своё истинное “Я”, только оно может увидеть Бога»* [4, с. 79]. Именно через жизнь и смерть предлагает познавать Бога гуру – Давид, говоря, что *«есть три способа познания Бога: через зрение – янтра, через слух – мантра и через чувства и ощущения – тантра»* [4, с. 29], подчёркивая, что основой любой религии являются явления жизни и смерти. *«Какую бы религию вы ни взяли – любого народа или нации – в ней обязательно будут три ритуала, освящающих рождение, брак и смерть»* [4, с. 31].

Одновременно сам концепт «Бог» является аксиомой и не оспаривается в книге никем кроме ищущего себя главного героя. И гуру, и все спутники Ивана по экспедиции, вплоть до скептически настроенного Виталика, твёрдо убеждены в том, что Бог есть, и более того, *«Бог присутствует во всём, во всех частицах Вселенной... Получается, что нет ничего, что может отвлечь нас от пути к Богу? – Вот именно... – улыбнулся Давид»* [4, с. 64]. По роману, будучи на пути к Богу, необходимо ощущение свободы и восприятие мира как объективно существующей реальности: *«Не освободив себя, ты не можешь встать на путь к Богу. Не отказавшись от иллюзий и не научившись видеть реальность, ты не сможешь увидеть Бога и отличить его от своих иллюзорных картинок»* [4, с. 181].

Л. Н. Гумилёв так характеризовал течения и направления внутри христианства: *«Христианская религиозная мысль с самого момента своего возникновения растекалась на множество потоков, из которых большая часть высохла, но некоторые стали реками»* [5, с. 47]. Потоком, сначала перекрытым духовенством Константинополя и Рима, превратившимся в наиболее бурную политико-правовую «реку», оказалось несторианство – мощная еретическая рефлексия на почве ортодоксального христианства.

Михаил Земсков акцентирует внимание на истории несториан путём создания образа Сергея – бывшего студента семинарии, ищущего себя последователя гуру. Автор противопоставляет Сергея остальным членам группы: целью героя является не участие в духовных практиках, а поиск Евангелия, в котором он преследует гносеологический интерес: *«Сергей нахмурился, в напряжении поднял руку к лицу, потом проговорил: – Я н-не знаю. Н-не знаю, но хочу узнать. Но н-несторианство – это ересь. – Надеешься узнать из того Евангелия, которое мы ищем? – безразлично спросила Оля. – М-может быть. Почему бы нет»* [4, с. 132]. Для остальных героев, включая гуру, Евангелие представляет материальный интерес (продажа).

Сергей, как и ортодоксальные христиане, убеждён в том, что несторианство – это ересь: *«П-потому что это ересь. Они утверждали, что Мария родила*

Иисуса-человека и не была Богородицей. И что Иисус сначала был просто человеком, а потом в течение своей жизни обрёл божественную сущность» [4, с. 131]. Члены группы, привыкшие смотреть на окружающий мир сквозь призму духовных практик, находят такое трактование библейских событий довольно правдоподобным: *«Может, действительно, так и было? – возразила Оля. – Он мог заниматься какими-нибудь духовными практиками, которые дали Ему божественную силу»* [4, с. 132].

Описание различных околорелигиозных духовных практик составляет весомую часть книги. Изменения в культуре и философии тела, приведшие в современном обществе к уверенному восприятию тела как важного фактора социального успеха вне зависимости от гендерной принадлежности, отсылают к специфическим культурным практикам, берущим начало на Востоке и определенным образом связанным с религиями. Выступая как неотъемлемая часть культуры потребления, тренинги улучшения тела и физического состояния человека, как определенная альтернатива медицинским и спортивным технологиям, как специфический феномен религиозного ренессанса, эти практики осмысливаются повествователем как способ обретения человеком силы: *«Практики – это имеются в виду тренинги? – спросил я. – Расскажи о них. – Ну... – Айгуль замялась. – Жизнь полна слабых людей. Сильный человек в ней – аномалия. Практики делают тебя сильнее, дают возможность вырваться из этого болота слабости»* [4, с. 65–66].

Давид – духовный лидер группы – не имеет конкретного учения, а смешивает классическую йогу, суфизм, учение Гурджиева и Кастанеды, манихейство и ещё с десятков религиозных, оккультных и эзотерических практик. В главном герое он видит себя прошлого, того человека, которым он был до того, как стал «отверженным», то есть тем, кто предпочёл дальнейшее пере рождение нирване: *«– Почему ты отверженный? – перебил я его. – Потому что отверг. После долгих занятий медитацией мне была дана нирвана – единение с божественным. Но я отказался от неё и вернулся сюда»* [4, с. 291]. «Единение с божественным» для Давида менее ценно, чем «бутербродик с икрой» в материальном мире: *«Все стремятся к бесконечному блаженству, божественному свету, познанию Бога. А я не захотел быть таким, как все. Не захотел Его и показал Ему кукиш, – рассмеялся он. – Пусть все в Нём на ходят своё начало и конец, а я – не хочу. Хочу бутербродик с черной икрой, например...»* [4, с. 291].

Давида в идее поиска подлинного Евангелия привлекает не его запретность и окружающая его тайна, которые являются движущими мотивами других, и даже не столько желание заработать, ведь его, по его собственному выражению, «наследство кормит», а само несторианское учение трансформации человека в Бога посредством духовного развития. Несторианская коллизия романа в рамках поэтики произведения непротиворечива, она хорошо согласована с историей текста и вполне отвечает как поэтике произведения «нового реализма», так и логике демонического характера такого маргинального героя, как Давид [6].

Главный герой романа ведёт бессмысленное существование, которое приводит его к неудачной попытке суицида. Его друг Виталик, описывая людей в вагоне метро, невольно описывает и самого Ивана: *«Живые трупы. Серые лица, испуганные взгляды. Лишь бы никто не тронул, лишь бы дожить день и дотянуть до кровати. Делают вид, что всё нормально, что так и надо. Не люди, а*

мени» [4, с. 13]. Героя не интересует познание самого себя, самореализация путём достижения карьерных целей также нереалистична, хотя материальные блага и являются основой его человеческого существования: *«Тебе тоже всего мало, как и мне?»* [4, с. 26]. Единственное интересующее его событие – перспектива путешествия в Казахстан.

Подобное состояние в жизни Ивана обусловлено тем, что в девятнадцать лет он насмерть сбил девушку и, под воздействием матери, скрылся с места преступления, что стало причиной душевной травмы: *«Той ночью в моей груди поселился твёрдый угловатый комок»* [4, с. 122]. При этом, как говорит сам герой: *«Угрызения совести меня почти не мучили. Я ведь сделал это “не нарочно”, а скрыться и не помочь человеку меня заставила мама»* [4, с. 124]. Данное событие запечаталось в сознании: *«Но мне стали сниться сны... Сны, в которых я снова сбивал кого-то на машине. Сны, в которых появлялась белая сумочка. Сны, в которых я разными способами – ножом, из пистолета, с помощью яда – убивал людей. В тех снах я скрывался от наказания и в то же время мучился оттого, что оно меня не настигает»* [4, с. 124–125].

В отличие от матери, крестившейся в попытках избавиться от чувства вины, Иван был некрещёным, хоть и остался под огромным впечатлением от посещения церкви и встречи взглядами с фреской Христа: *«Вдруг на стене слева от себя увидел крупное изображение Иисуса Христа на нежно-голубом фоне. Я смотрел на него как на своё отражение в зеркале – настолько черты его лица были похожи на мои, а взгляд проникал в самую глубину души. Такой проникновенный взгляд можно встретить только когда стоишь перед зеркалом и смотришь сам себе в глаза. Я смотрел на Иисуса, узнавая в нём себя и почему-то радуясь этому узнаванию»* [4, с. 123]. Решающее влияние на это оказала безликость икон в церкви: *«Я снова посмотрел на Иисуса Христа на стене, потом направился вдоль стены, рассматривая иконы. Изображения святых и Иисуса Христа на иконах не впечатляли меня так, как изображение Иисуса на стене. Они были более самодостаточными и безликими, словно обращёнными больше вглубь себя, чем к созерцающему их человеку»* [4, с. 124].

Одновременно с отказом от крещения для героя закончился и духовный поиск, он стал «ненастоящим»: *« – Тяжёлый ты. Какой-то ненастоящий; андроид. – “Ненастоящий”. Этот эпитет я уже раньше слышал в свой адрес. “Ненастоящий”. Не смог пойти против воли мамы. Стал моделью, потому что кому-то понравилось моё лицо. Боясь брать на себя ответственность, ни разу не воспользовался правом выбора; делал вид, что у меня его нет. Ничего не сделал сам в своей жизни. Плыл и продолжаю плыть, как бревно по реке. Потому и “ненастоящий”»* [4, с. 241].

Изнурительное путешествие в экстремальных условиях казахстанской степи, убийство друга, оказавшегося предателем, стало толчком к психологическому развитию Ивана, его радикальной и быстрой трансформации, переходу от безвольности к твёрдой уверенности в праве выбирать Зло в позиции нищезанятого сверхчеловека.

Эволюционировавший Иван оказался способен без малейших колебаний убить учителя – гуру. Совершая убийство Давида, Иван вспоминает его слова: *«Грех находится только в самой эмоции, с которой совершается убийство. Потому что оно всегда совершается с негативной, греховной эмоцией – из ненависти,*

из алчности, из страха...» [4, с. 30], но не может определить, было ли убийство учителя «безгрешным»: «Чувствовал ли я что-нибудь в тот момент, когда стрелял? Страх, ненависть, злость, зависть, гордыню? Или это было безгрешное убийство? Не знаю» [4, с. 292–293]. Если вернуться к размышлениям Давида о природе жизни и смерти и их влиянии на человека, складывается впечатление, что собственная смерть была им подготовлена в качестве последнего испытания для Ивана: «Также красива метафора смерти как путешествия, выраженная таким реалистичным способом. Уйти куда-то – значит умереть. Умереть – значит уйти. – Почему ты все время говоришь о смерти? – спросил я. – Фиг его знает... – ответил Давид после паузы. – Наверное, потому, что другие о ней не говорят... С другой стороны, в мире нет явления, которое меняло бы жизнь человека сильнее, чем смерть» [4, с. 206]. Изображается своеобразный ритуал – принесение человеческой жизни в жертву, где проводится аналогия с жертвой Христа – восшествием на Голгофу.

Таким образом, идеи Давида сводятся не столько к декларированным постулатам избавления от иллюзий и обретения свободы, сколько к принятию своей смертности: «Знаешь, почему погиб Виталик, а не ты? Потому что он был гораздо дальше от осознания смерти, чем ты» [4, с. 288].

Михаил Земсков создаёт уникальный религиозно-философский фон, на котором изображается духовный рост одних персонажей и нравственное падение других. Завершается роман идеями преображения, обновления, начала новой жизни, свободной от случившегося в прошлом, что, в сочетании с произошедшими ранее трагическими событиями и очередной попыткой самоубийства, становится маркером изменения личности героя, достижения того же состояния «отверженности», о котором говорил Давид.

Таким образом, в романе Михаила Земскова «Сектант» изображена инволюция главного героя от состояния «маменькиного сыночка» до уверенного в своём моральном праве отнять жизнь другого человека сектанта-отщепенца. В герое под воздействием разрушительного влияния гуру происходит психологическая деградация и развитие аморальной уверенности в себе с одновременным отрицанием моральных качеств. Религиозная парадигматика в «Сектанте» является не столько абстрактным посылом, сколько художественной сценой, позволяющей обнажить в героях конкретные материальные стремления, скрытые духовные тенденции, направленные на то, чтобы человек окончательно идентифицировал свою принадлежность к определенному типу тенденциозных людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «Идентичности». Ab Imperio, 2002. URL: <https://doi.org/10.1353/imp.2002.0025> (Дата обращения 5.11.2022).
2. Мень А. История религии. Кн. 1. Москва: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998.
3. Мнажатдинова Р. З. Феномен религиозности личности в зарубежной и отечественной психологии // Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS), 1(3), 2021. С. 230–238.
4. Земсков М. Сектант. М.: Эксмо, 2010.
5. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К&О», 1992.
6. Джаламова Ж. Б., Джолдасбекова Б. У. Авторская рефлексия в романе М. Земскова «Сектант» // Хабаршы, № 4, 2021. С. 4–13.

